

Татьяна Григорьевна, Александр Сергеевич и Булат Шалвович

Воспоминание об одной встрече

Константин ШИЛОВ

Встретившиеся поименованы в правильной последовательности — исходя из их же собственных понятий и обычаев. Оба поэта в любом случае пропустили бы вперед даму. Тем более — такую величественно-прекрасную, какой была пушкинист Т.Г. Цявловская, отмечавшая, кстати сказать, в те дни свое семидесятилетие. Тем более что встреча происходила в ее доме. Она являлась связующей поэтов и «принимавшей стороной». Поэтому и сюжет движется — от нее... На дворе стояла весна 1967-го.

Хозяйка дома, или Прекрасная дама пушкинистики

ВЫСОКАЯ, статная, породистая женщина с серебряной седью и карими глазами, горящими огоньком лукавого любопытства, готовая и к растроганной «уменьности», и к острому режущему слову, открывала гостям дверь своей новгородской... Даже не очень старая, можно было разглядеть в ней ту молодую Татьяну Зенгер, какой увидел ее в конце 20-х годов В.В. Вересаев: «Стройная красавица с медлительными движениями, ученица Цявловского... И в Пушкина была влюблена так же восторженно и благоговейно, как Цявловский».

Знаменитая обитель в Ново-копосенском, где то только и побывал, больше не существовала. Новое жилье Татьяна Григорьевна получила в конце 64-го. В современную трехкомнатную квартиру на третьем этаже 16-этажной «башни» по 2-му Сетунскому проезду перевезены были архивы. Неизданные рукописи профессора М.А. Цявловского, скончавшегося в 1947-м, картотека «Летописи жизни и творчества Пушкина», материалы по иконографии, по изучению пушкинских рисунков. Перевезена редчайшая библиотека... Спалня с книгами по искусству, большой зал — весь в стеллажах, а дальше — вход в маленький кабинет. В зале у окна — стол, за которым семнадцать лет — друг против друга — трудился, острелил, «жил Пушкин» неутомимые супруги. Прочая мебель, по бедности Татьяна Григорьевна, не имевшей службы и ученых степеней, подарила бывшей домработнице и многолетним другом Фросяй. На кое-как вбитом гвозде висел пейзаж — подарок П.П. Кончаловского...

Сразу и на Сетунском закипел прежний круговорот. На кухне сжиливали-спорили: юный гонимый Госбезопасностью Ю.Г. Оксман и академик В.В. Виноградов. И любимый друг хозяйки — пушкинист С.М. Вонди. И всегда старавшийся делать ей добро (вот и эту квартиру выхлопотал) И.Л. Андроников, предусмотрительно — как улыбаясь говорила Цявловская — выходявший прогуляться по коридорчику, если начина-

лись «опасные» разговоры. Всех их слушал и давно не робко вопрошал молодой энергичный историк Натан Эйдемман. Но и безвестные и (пока) не самые знаменитые — из разных уголков страны писали, трезвоили, ехали в этот дом, где никому не было откупа. Актер Владимир Репеттер, скульптор Олег Комов, художник Павел Бунин... Не упомяну всех, и сам ослепленный в незабываемый метельный вечер 10 января 1966-го первым приходом в эти стены.

Встреча Татьяны Григорьевны с Пушкиным произошла в 1928 году — после бурной и драматической молодости (сестра милосердия в лазаретах Мировой и гражданской войн, голод и эпидемия, неудачные замужества, потеря детей, братьев и любимого отца — профессора-филолога, знатока античности, одно время — министра просвещения России). За сорок лет ежедневного «общения» с Пушкиным она стала самым авторитетным биографом, текстологом, знатоком почерка и графики поэта. Не будь голословным, а приведу (заодно и опубликуем впервые) текст сохранившейся в архивах телеграммы от 25 января 1963 года, полученной на Татьянин день: «От всего сердца поздравляю Вас дорогая Татьяна Григорьевна! Еще раз благодарю за добрые и мудрые советы — Ваша Ахматова».

Она видела и слушала Александра Блока, принимала у себя в гостях Михаила Кузмина, дружила общалась с Анной Ахматовой... Современница Серебряного века русской поэзии... А теперь вот — 60-е годы опустимо кончались (через год — удушение Пражской весны), и все явственней — через Пушкина и декабристов — звучали мотивы братского единения, «любви и дружества», чести и достоинства... И в дом, где жила Татьяна Григорьевна и Пушкин («Самый похожий!» — это на репродукции тропинки этого эдакого, висящего в ее изголовье, неприличнейший, с бакенбардами, наспех расчесанными мокрым щеткой), — просто должен был, наверное, явиться в те годы новый поэт и новый голос по имени Булат ОКУДЖАВА.

Как Було

«ПРОЧИТАЛА только что полученное письмо Ваше, — сообщила мне Цявловская 12 мая 1967-го. — Отвечать буду потом — очень много дел сейчас, самых неожиданных. Назову два. У меня уже с неделю лежит киносценарий Булата Окуджавы о Пушкине... О Пушкине в Одессе». Восклицание — от удивления и необычности жанра, и несказанной авторской дерзости. Да еще — совпадением с волнованием ее сюжетом: любовь к Е.К. Воронцовой в судьбе и поэзии Пушкина. Это тема ее большой неопубликованной статьи...

Занятое следующее после Окуджавы срочное дело тоже связано с Одессой, и в ее сообщении я впервые вижу рядом два имени пока еще не сближавшихся или даже незнакомых людей: «Второе. Эйдемман привез из Одессы копию воспоминаний о Пушкине некой Еропкиной, издающихся в рукописном отделе Одесского университета...» Но рукописи Окуджавы — дело помертвевшее. (И для него, как он потом признается, выбор был неслучаен: в чем-то Одесса была «автобиографична».) Сроки поджимают: ему, видимо, посоветовали в «инстанциях» опробовать свой труд у Цявловской, члена Пушкинской комиссии Академии наук...

Название киносценария (авторы В. Окуджава и О. Архимович) — «Частная жизнь Александра Сергеевича» — просто сразило ее, не одобрявшую вересавской готовности в «Пушкине в жи-

ни» перемешивать истинные свидетельства о поэте с сомнительными анекдотами. Воспитанная «пламенным» пушкинством Цявловским, которого тот же Вересаев назвал «священнослужителем божества», она понимала, что Пушкин мог на это воскликнуть, как его Моцарт: «Ба! Право? Может быть... Но божество мое проглотилось». Но — Пушкин у Окуджавы, который, глотая устриц, говорит, чтобы слышала Амалия Ризницкая: «Ах, хороша была! Должно быть, барышня... А ну-ка эту...» И проглотил вторую. — Какая упрямая... Кокетка! — и запил вином. И снова глотая: — А эта — замужняя дама... Еле проглотил... Однако вкусно... Амалия пожала плечами: Эх, вы не великодушны с дамой! Пушкин — одна из первых реплик которого вслед убегающей девицы: «Ну не дура ли?.. Такой вечер. Вот дура... Счастья своего не понимает!» Пушкин — в первом же кадре! — голый на пляже, прыгающий на одной ноге, стараясь вытряхнуть из уха воду... Пушкин — вилы — и окно девушки с золотистыми волосами — «Александр Сергеевич!», стихотворение — напечатано в интереснейшем № 3 журнала «Звезда Востока», «Ташкент», много тонкого, острого, верного понимания Пушкина и окружения его дружеского и враждебного. Мастерского воспроизведения, то бишь угадывания речи и Воронцова, и Вяземской, и Гурьева. Сегодня хожу по комнатам и мучаюсь — как написать... Что — знаю».

«Брат Плетнев! Не пиши добрых критик!» — это очень серьезный завет Пушкина. При моей легкой восприимчивости мне это надо особенно помнить. Но при втором чтении я трезво смотрю на вещи... У меня нет этого безосновного твердого мнения с начала... Вот отрицательные решения удаются чаще людям, не умеющим хорошо думать... А по другому поводу — призналась: Я написала с маху, как всегда — слишком одобрительно, но, по-моему, этот грех небольшой. Так мало у нас хвалит молодых, так это им нужно, жизненно необходимо. А худители всегда найдутся».

Что же делать со сценарием Окуджавы? Планом она делится так: «Признать достойным показу, одобрить то-то и то-то, требовать снять в редакторском смысле слова, то есть — убрать/все пошлости /Пушкин — сатири и пошлый.../, вплоть до заглавия: «Частная жизнь Александра Сергеевича». Рецензию начала с отмеченного ею парадокса: «Изображение жизни выдающегося человека... вдвое труднее, когда автор выбирает в героя поэта. Во сто крат труднее, когда герой это — Пушкин. То обстоятельство, что автор сценария является талантливым поэтом, вселяет надежду, что сценарий будет написан с тонким понимани-

ем образа Пушкина. Однако заглавие фильма сразустораживает. В нем слышится вызов тем, кто ждет от сценария воплощения образа великого поэта».

Но теперь в первую очередь прорывается ее сочувствие автору, одобрение главной мысли и сюжета сценария (это «в сущности противопоставление двух станов — врагов Пушкина и друзей его»). Сумев себя преодолеть, она восхищается впервые ей открывшейся окуджавской прозой! Вот описание Воронцова и его окружения: «Впереди — граф Воронцов (его Александр Сергеевич узнал мгновенно), — стремительный и прекрасный, с подпорной трубой, похожий на Петра Великого, закладывающего Петербург. За ним, на расстоянии локтя, полукругом — его приверженцы. Все молодые и горячие. Он проходил по тропинке, которая вилась ниже той, где стоял Александр Сергеевич со своей палкой, в лепелю рубаше, маленький какой-то, и смотрел, как они спускались к морю». Что ж, «основные черты личности Пушкина — вольнолюбие, независимость,

чувство личной чести, доверчивость, импульсивность, доброта — выражены в сценарии убедительно и пластично». Посылая мне выстраданный ею результат — 12 страниц на машинке, — она писала: «Возвращаясь к отзывам чуть ли не три недели. Написала в конце концов решительно, но в мягкой форме («Берегите нас, поэтов, берегите нас...»). Точное ощущение: эта строка, дважды приведенная ею, — а стихов и песен Окуджавы она толком не знает, — звучала в ней торжествующим рефреном, пока писала она отзыв. Пожалею, найдется пожелавший листок с переписанными кем-то по ее просьбе строками:

Берегите нас с грехами,
С радостью и без.
Где-то юный и прекрасный
Ходит наш Дантес.

Да, он не хочет убивать вновь, но «судьба его такая и синее отлив — Двадцатое столетие! Так ему велит». Прожившая трагическую жизнь, Татьяна Григорьевна не могла не растрогаться. Поэт ранил! А ей ли не знать мертвую хватуку «века-волкодава». Сколько советских датасов и датасков — тоже «мучеников» политического сыска она помнила — всех этих альсбергов, ермиловых, зелинских, лесючевских...

2 июня 1967 года Татьяна Григорьевна сообщила: «Был Булат Шалвович у меня (28 мая), поговорили...»

Булат Шалвович

ОН ПРИШЕЛ, явно очень настроенный («Бойтесь пушкинистов» — предупреждение, а то и предубеждение — по Маяковскому...). Но как мало они знали друг о друге!.. Входя в кабинет Цявловской, он миновал наткнувшийся на левую створку двери живописный холст: портрет ее любимого брата-близнеца Коли, сорудника Эрмитажа, расстрелянного «органами». Вроде бы из каких разных миров они были: дочь царского министра, сенатора, вместе с сестрой игравшая с дочерьми Государя, и — сын «комиссаров в пыльных племенах». Сын расстрелянного отца и сестра загубленного брата, только с той, другой, сестрой и выжилишие из восьми детей... Но сегодня они сошлись в одной сияющей «точке» — их свел третий незримый участник беседы — Пушкин.

Булат Шалвович углубился в текст отзыва. С ее личными вкусами, понятно, можно не очень считаться. Ну не нравится ей прием с показом различных «видений» поэта: «это не из мира пушкинского творчества, а — если хотите — из характера творчества Михаила Булгакова». Не нравится прыгающий Пушкин, как и Гамлет, вытряхивающий из туфли песок в фильме Г. Коэнца, — ее дело... Но вот разное замечание: где же «то главное, что отличает Пушкина решительно от всех?» Словно поставлена задача: «заставить зрителя забыть о том, что Пушкин — великий поэт. Правда, из сценария ясно, что Пушкин — автор двух эпиграмм». Упомянут «Бахчисарайский фонтан», а в вопросы к волю в ярме: «Бык, а бык, а может, и ни к чему тебе дары свободы?» должны напомнить стихи «Свободы сеятель пустынный...».

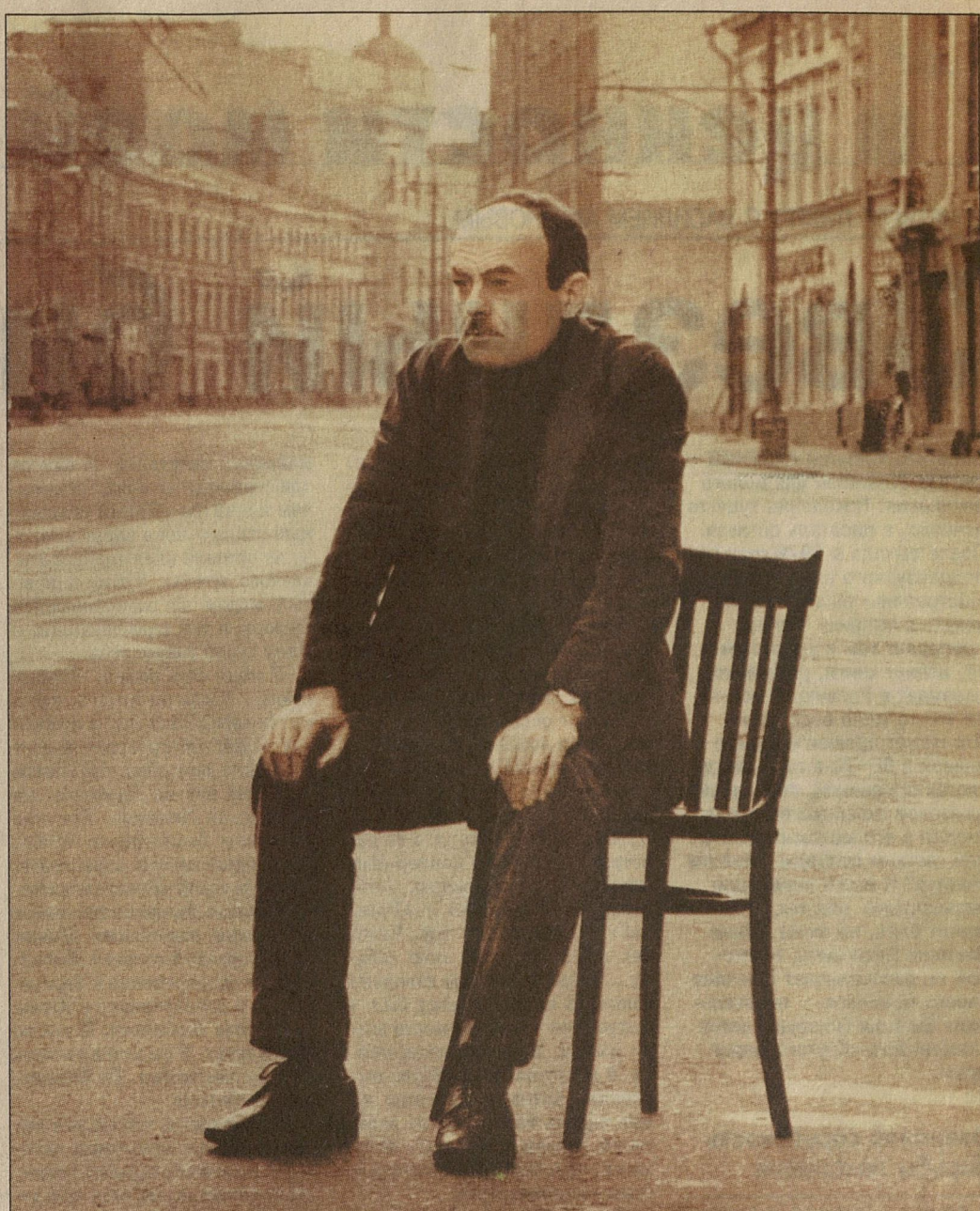
Есть «фальшивые ноты» в образе Пушкина — примеры убедительны. Незнание бытовых мелочей, анахронизмы языковые... Но очень хороши иные линии сюжета! «Завлеченные названием фильма, обыватели, — читал Окуджава, — могут почувствовать себя обманутыми», ибо «личная жизнь Пушкина изображена в сценарии тактически — если изъять ряд эпизодов... Замысел сценария «Частная жизнь Александра Сергеевича» можно понять». Это — «протест против художественных, выспренных писаний о Пушкине, где он является носителем идей, декларирующим свои статьи и письма, где он нередко лишен человеческих свойств. Однако в данном виде сценарий выдает в другую крайность. Пушкин даже и не поэт, — в лучшем случае — слагатель эпиграмм. Истинный образ — не здесь и не там. Надо найти мудрое решение... Главное, чего ждешь от сценария о Пушкине, — это образа великого поэта, поразившего даже современников темальным умом. Это не получили». Пожелание доработки, подпись... Он дочитал.

«Поговорили...» Можно ли услышать их долгий разговор? Как реагировал на отзыв Окуджавы? Все это сжато описано было в письме ко мне:

«Он сам считает очень плохим свой сценарий, заглавие — случайное. Он прочел его через полгода после сдачи и ужаснулся. Это давняя работа (года два назад. Саватр — жена). Несколько правил. Занялся другими делами. Я: «Ваша пьеса идет в Ленинград. Говорят, чудесный спектакль». — «Ужасный спектакль, ужасная пьеса. Не надо было мне драматургии заниматься». На мои протесты, он сказал: «Нет, это совершенно трезвая оценка». Я похвалила его прозу в сценарии, которая остается недостойной зрителью. «Я Вашей прозы никогда не читала». — «Не читали!» Подарит мне книжку о войне, вышедшую во Франции (на французском языке).

Он прочел мой отзыв... Сказал, что ни одного возражения у него нет, одобрялся хвалой о Воронцовой (сия — «получилось?» — «Да! Вы его портрет Лоуренса знаете?» — «Знаю»). Спросил, получил ли он экземпляр отзыва. Я дала ему (он: «Но он с подписью...»). Мне кажется, что он будет перерабатывать. Единственное, за что он вступился, — это... за устриц: «Пушкин просто пошутил». Пригласил меня на просмотр его фильма — военная комедия (с трагическим окончанием) — сегодня идет в Дом литераторов» (2 июня 1967 г.).

Окуджава унес рукопись статьи Цявловской о Пушкине и Воронцовой — ознакомится. А Татьяну Григорьевну он по-

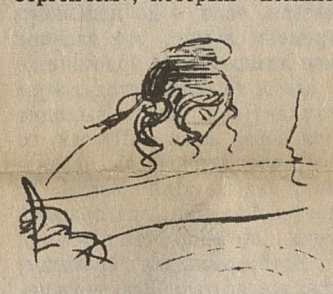
рил! Кажется, она даже «увлеклась» им и очень по-женски сказала близкой знакомой: «Вошел, красивый, как молодой князь... И — великолепно сложен...» В своем сдержанном госте почувствовала она пушкинскую «тайную свободу» — ту, с которой он судил себя сам. Высокое — пушкинское — достоинство. Он был почтителен и в его «смирении» был признак большой силы.

«Ну вот Вам новости последние, — расскажет она через неделю, 9 июня того же года: Фильм Окуджавы (военный), который я смотрела в ЦДЛ, — очарователен! Очень тонкий образ главного героя — вероятно, поэта, юноши, попавшего в армию, на войну — и много веселого, комедийного — на фоне высшей непрерывной опасности. Кончается трагически. Фильм имел колоссальный успех у переполненного зала. Но... его не разрешили (вчера звонил Окуджава) — «оскорбление красной армии»... Непонятно! Ничего решительно оскорбительного нет». В конце фильма Татьяна Григорьевна услышала знакомый теперь, поющий за кадром мягкий и печальный голос: «Целый свет я обещал, но нигде на свете...» Какого талантливого человека! Она попросила Булата Шалвовича прислать ей текст этой песни. В ответ пришла записка, хранящаяся теперь в Госархиве: «Уважаемая Татьяна Григорьевна! Письмо получило. Благодарю. Посылаю Вам свою песенку. Простите машинку за отсутствие «у». К сожалению, не имею возможности заехать к Вам «Елизавету Ксераверву». Перешлю почтой в ближайшее время. С уважением Б. Окуджава». Ему, в его сорок лет, предстояло большой путь («А дальняя доро-

га...»), было уже недосуд обсуждать с Цявловской ее работу. На записке его нет даты. Но я вдруг с изумлением нашел ее... у себя дома: так вот что за листок машинописи из бумажат Татьяны Григорьевны подарила мне ее более молодая подруга! «Песенка о каплях датского короля», а внизу дата и название фильма: «8.6.67 г. «Женя, Женечка и «катюша». Все совпадает и — значить, правка чернилами — авторская...

9 августа Татьяна Григорьевна писала: «Посылаю Вам автограф Булата Шалвовича Окуджавы (он вернул мне мою статью о Воронцовой и приложил книжечку своих стихов)». Это, конечно же, был «Март великодушный». Стихи показаны Цявловской: «Александр Сергеевич» — не хлестковская фамильярность, а обращение для Окуджавы давно домыслил. Заглавие сценария ее ранило: именно так «Сергучку» было выведено «кривым лакейским почерком» на конвертах с пасквилем, погубившем поэта. Но

Окуджава был нужен Пушкин, спустившийся с пьестала, — как же иначе он мог «дать нам руку в непогоду»? А непогода тогда свирепела... И явный крен в сторону показа человеческой сущности Пушкина у Окуджавы был вызван не одним «неумением» дать образный синтез. Все же он был не Анненков и не Лотман. Он был поэт, переходящий к прозе, и он ржал для себя, — через Пушкина — чуть слыша время, некий свой вопрос. Он изучал на гениальном примере тактику поведения принимаемого, притесняемого властью художника. Но по своему — раз уж речь о киноэкране — права была и Татьяна Григорьевна. Смирившись ли она, прочитав стихи, с «Александром Сергеевичем», который «помнит

про всех»? Думаю, приняла, поняла. Как она потом радовалась подаренной пластинке с песнями Окуджавы! Особенно полубила «Грузинскую песню». «Виноградную косточку в теплую землю зарю...», написанную в год их встречи. Ведь к ее немечкой крови была примешана и грузинская...

А Булат Шалвович сценарий дорабатывать не стал. Но, переходя к жанру исторического романа, кажется, основательно «учел» общение с замечательным пушкинством. Отзыв Цявловской был впитан его новым опытом и подбавил сам по себе. Еще пластичнее, психологичнее точнее станет его манера письма. Тот первый приход к Пушкину в его прозе оказался, в общем-то, любовной атакой, смелой «пристрелкой». Его стремительное развитие нуждалось в мощной корректировке Пушкинским, в современных уроках историзма, в доскональном постижении той эпохи, в которой будут «путешествовать дилетанты», произойдет «Свидание с Бонапартом». Но на первом месте был «Лютос свободы» — не случайная книга Окуджавы о Пестеле (1971 г.) вышла почти одновременно с «Луниным» (1970 г.) Н.Я. Эйдемманова — во многом ученика Цявловского...

О судьбе киносценария Булат Шалвович где-то отвечает небрежно-шутливо: «пушкинсты забили». Но мы увидели: было не совсем так («Признать достойным...» — сказано даже в письме ко мне). То, что выводы Цявловской он оценил во всей силе, — видно уже по тому, что в сборник киносценариев (1991 г.) сценарий о Пушкине автор не включил, а в послесловии он даже не упомянул, хотя ошибочно сказано, что сюда вошли «все три киносценария Окуджавы». Неведомый и незадавшийся четвертый — будет вынут из-под спуда и отдан в журнал «Искусство кино» еще годы спустя, но это не меняет дела. Название же «Частная

жизнь Александра Сергеевича» перекочевало в марте 1976-го в заглавие рассказа, где превратилось уже в «Частную жизнь Александра Пушкина...». Встреча с Т.Г. Цявловской, принадлежавшая на важный «переходный» момент в развитии личности Б.Окуджавы, — из тех, что обычно малоизвестны. Скорее всего, никому не рассказывал эту историю и Булат Шалвович. Интересно поведение их обоих «в присутствии Пушкина». То была встреча «пушкинства» исследователей старой школы с «пушкинством» тех, кто в наступающие мрачные времена принимал духовную эстафету.

Последний поклон

ВОТ и накатил первая годовщина того, о чем еще невозможно вспомнить на бумаге... О долгих, как во сне, часах с морозящим, плавающим над Арбатом небом, с движущейся лентой людского потока...

А 30 мая исполнилось двадцать лет, как ушла Т.Г. Цявловская. Впервые за годы и годы рискнул я пойти до той самой 16-этажной «башни» на Сетунском... И был восторжен, когда после моего ответа на дежурный вопрос «кого ищете», — лица женщины, беседующих на скамеечке, просящих: «Поминишь, писательница жила? Все о Пушкине писала! Почтальоны тогда первые прибежали, принесли корзину цветов...» Вглядываясь в меня, на прощание посоветовали: «Вспомните же поплачь!» Оглянувшись на дом, с которым связаны юность и молодость, — услышал про себя, как пушкинская «бронза тихо звенит» окуджавским стихом...

У иных утех, у других все зрелища, Александр Сергеевич ждущ в том доме...

Автограф Окуджавы, посланный мне Цявловской, затерялся — видимо, в предвечии того, что его автографов станет у меня гораздо больше. Вот уж никогда не думал, что более четверти века спустя мы будем у него на даче вспоминать близких общих друзей, в том числе и тех, с кем пришлось расстаться по принципиальным соображениям. Тема была грустной... И тогда я сказал, что у меня есть отзыв Цявловской о его давнишнем «пушкинском» сценарии. Он захотел просмотреть его вновь. Потом, уже в московской квартире, решил этот отзыв вернуть. Но у меня сохранилась еще одна старая копия. И все же он спросил — как некогда Татьяну Григорьевну: «Можно взять? Спасибо...» Задумавшись, промолвил: «Жизнь коротка... Жизнь коротка...»

Долго, в зависящей паузе, глядел куда-то в глубь комнаты. Потом сказал все так же тихо: «Я ее — помню...»

Главный редактор номера: Анатолий КОСТЮКОВ
Газета зарегистрирована в Мининформчате
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054.
© Общая газета. Перепечатка допускается
по согласованию с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МПКА.

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН.
Арт-директор: Андрей МАЛЫКОВ.
Отдел рекламы: Елена РЫМКО.
Тел.: 915-75-23, 915-51-80. Т/ф: 915-28-06
Отдел маркетинга: Ренат КАРНА. Тел.: 915-53-81
Связь с общественностью: Валерия ГАЛЛАИ,
Евгения СОЛЮЖИНА. Тел.: 915-70-40

Верстка компьютерного центра
«Общей газеты»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ

Отдел распространения: Людмила ЛИР. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» — 270668 экз. (региональный — 19000 экз.).
Цена свободная.
Различное распространение в Московском
Метрополитене — агентство «МЕТРОПРЕСС»
в С.-Петербургском Метрополитене —
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в типографии издательства «Пресса»
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.

Номер подписан в печать 24. 06. 98 г.
Заказ 2262.

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1. Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71, e-mail: oglech@corbina.ru. Электронная версия «ОГ» в Internet: www.park.ru; www.nns.ru; www.integrum.ru; www.russianstory.com. Адрес «Гостиницы «ОГ»: 121151, Москва, Кузнецкий пр., д. 22

Редактор: Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Анна ПОЛИТОВСКАЯ, Юрий СОЛОМОНОВ, Ольга ТИМОФЕЕВА, Игорь ШЕВЕЛЕВ, Егор ЯКОВЛЕВ. Дирекция выпуска: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректура).
Литературный редактор: Ирина ДЕМЕТЬЕВА. Руководители направлений: Алексей ВАУСИН (международная жизнь), Дмитрий ГОРБАЧЕВ (информация), Елена СКВОРЦОВА (право), Сергей ВАРШАВИЧ (СМИ), Наталья ГРИГОРЬЕВА (город), Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (отка), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Оксана ПОЛОНСКАЯ (спорт), София СТАРЦЕВА (письма). Обозреватели: Наталья АЛЯКРИНСКАЯ, Ирина ВЕЛИКАНОВА, Олег ВЛАДЫКИН, Максим ГИДИН, Елена ДИКУН, Геннадий ЖАВОРОНКОВ, Рубен МАКАРОВ.
Юрий РОСТ, Лев СИГАЛ, Дмитрий СОКОЛОВ. Представители за рубежом: Николай АЛЕКСАНДРОВ, Федор РЯБИКОВ (Прага), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Эдуард ГОВОРУХИНО (Рига), Лариса ДЯЧУК (Киев), Александр ЖУРБИН (Нью-Йорк), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Михаил МЕЛЕШЕНКО (Кишинев), Борис ПАНКИН (Стокгольм), Вадим РЕЧКАЛОВ (Минск), Ариадна РОММ (Одесса), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГЯРИАН (Бреван), Алексей ХАЗОВ (Рим), Вера ЦЕРЕТЕЛИ (Тбилиси), Борис ШЕСТАКОВ (Вудлашест).
Исполнительный директор Наталья КЛОЧКО. Финансовый директор Дмитрий ШАЛИН.